

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В ИСТОРИИ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНФОРМАТИКА

Мишина Е.М.

DOI: 10.7256/2222-1972.2014.4.13928

При цитировании этой статьи сноска на doi обязательна

Сталинские репрессии 1935–1937 гг.: анализ динамики по социальным группам на основе «книг памяти» Алтайского края

Аннотация. Автор анализирует основные репрессивные механизмы, выявленные на основе анализа архивных материалов. В первой части работы приводится краткий историографический обзор изучения проблемы. В литературе преобладает мнение о том, что региональные чиновники, в основном следуя инструкциям центра, фабриковали дела по удобному региональным властям принципу. Вторая часть посвящена рассмотрению динамики репрессий по основным социальным группам: занятые в сельском хозяйстве, рабочие промышленности и служащие. Данные динамики рассматриваются по годам, приводится попытка выделить небольшие репрессивные кампании регионального масштаба. На основе архивно-следственных дел с использованием дедуктивного и индуктивного методов выделяются три репрессивных механизма: «снизу вверх», «сверху вниз» и их синтез – «смешанный» тип. В рассматриваемый период «смешанный» тип являлся наиболее распространенным: он был характерен для групповых дел, сфальсифицированных в значительном количестве случаев. Автор приходит к выводу, что в большинстве случаев репрессии проводились внутри одной социальной группы, следственные дела содержат примеры пересечения репрессивных линий среди разных социальных групп, однако рассматриваемых данных недостаточно для выявления определенных тенденций. В наибольшей степени от репрессий пострадали сельскохозяйственные рабочие и служащие.

Ключевые слова: репрессии, регионы, Алтай, «книги памяти», база данных, следственные дела, социальные группы, динамика, кампании, механизмы репрессий.

Annotation. The author analyses the repressive mechanisms of the period, disclosed on the basis of a study of archival material. The first part of the article consists of a brief historiographical overview of the studies on this subject. The dominant opinion in scientific literature is that regional officials, usually following central instructions, fabricated investigational materials on the principles convenient for their regional authorities. The second part is dedicated to the examination of the repression dynamics on the main social groups: agriculturalists, industrial workers and officials. The dynamics' data is divided by years and the author attempts to thus distinguish small repression campaigns of regional scale. The author comes to the conclusion that in most cases the repressions were conducted within one social group, with investigation files containing examples of interceding lines of repression of various social groups; however, the existing data is not enough to expose definite tendencies. Agricultural workers and administrators suffered most from the repressions. On the basis of archival investigation files, in conjunction with the deductive and inductive methods, the author distinguishes three repression mechanisms: "bottom-up", "top-down", and their synthesis – "mixed" type. In the given timeframe, the "mixed" type was the most common: it was characteristic for group investigations, falsified in a significant number of cases.

Key words: repressions, regions, Altay, "memorial book", database, investigation files, social groups, dynamics, campaigns, mechanism of repression.

В репрессиях, проводившихся в СССР в 1930-х гг., можно выделить несколько фаз: процессы 1931–1933 гг., связанные с коллективизацией и начальным этапом индустриализации, репрессии 1935–1937 гг. – после убийства С. М. Кирова 1 де-

кабря 1934 г. – и самая масштабная кампания 1937–1938 гг., связанная с реализацией приказа № 00447 (Большой террор). Первая и третья фазы террора достаточно широко освещены в литературе. Периоду с даты убийства Кирова и до конца июля 1937 г. – начала осуществления

репрессий в рамках массовых операций – уделяется меньше внимания, однако он, несомненно, является важным для понимания хода Большого террора. Данная статья посвящена именно этому периоду, а конкретно – динамике репрессий среди трех крупных социальных групп советского общества: занятых в сельском хозяйстве (далее – занятые в с/х), рабочих и служащих.

Репрессии 1935–1937 гг. проходили в рамках всесоюзных кампаний данного периода, связанных с убийством Кирова, «Кремлевским делом», первым и вторым Московским процессом, а также с «вредительством» на производстве и саботированием стахановского движения. М. Юнге и его коллеги выдвинули гипотезу о том, что при одинаковых исходных установках приказа центры тяжести при его выполнении в различных регионах были разными, т. е. учитывались республиканские, краевые, областные и районные специфические особенности. Они отмечали, что при проведении репрессий в регионах сотрудники НКВД действовали в определенных рамках, однако находилось и место для «творчества»: к примеру, в Харьковской области с начала массовых операций преобладали групповые дела, а в Калининской области следователи не уделяли внимания признательным показаниям [19, 18, 47]. Таким образом, репрессивная специфика региона могла зависеть от его профиля (аграрный или промышленный), уровня урбанизации или этнической структуры. Для проведения анализа нами был выбран Алтайский край, входивший в состав Западно-Сибирского края (ЗСК). Данная территория представляет интерес по нескольким причинам. В начале XX в. она входила в кабинетские земли. Благодаря столыпинской реформе и переселенческой политике производство аграрной продукции достигло здесь небывалых масштабов, происходило и промышленное освоение края. В советское время территории Сибирского края (центр – г. Новосибирск с 1925 г.), в составе которого находились алтайские земли, были местом ссылки для «антисоветских» элементов. Рядом с г. Славгородом на северо-западе края находился Немецкий район, в котором преимущественно проживали немцы. Это наложило отпечаток на кампании периода Большого террора, который начался именно с алтайских земель. Именно здесь 28 июня 1937 г. была учреждена первая «тройка», обязанностью которой было вскрыть заговор РОВС – Российского общевойскового союза белых офицеров. Эта «тройка», как и все

последующие, функционировавшие в период Большого террора, имела санкции на вынесение смертного приговора без суда [27, 917]. Другой причиной выбора этой территории является доступность для исследователя материалов отдела спецдокументации управления архивного дела Алтайского края (сокращенно – ОСД УАДАК, г. Барнаул), использованных для проведения более подробного анализа репрессивной политики рассматриваемого периода.

На основе архивных документов – делопроизводственной документации (следственных дел репрессированных) – в постсоветское время были составлены «книги памяти», содержащие краткие справки на каждого учетного репрессированного (по материалам анкет, допросов, приговоров репрессированных). По Алтайскому краю было составлено 7 таких книг. Нами использовались материалы 2-го, 3-го и 7-го томов [8]. Отметим, что информационный потенциал данного источника для составления социального портрета является достаточно высоким [10, 157–166]. В 2007 г. на основе региональных «книг памяти» историко-просветительским обществом «Мемориал» была разработана электронная база данных (далее – БД) [9], которая существенно упростила работу историка с «книгами памяти».

В предшествующей нашей публикации была дана характеристика профессионального состава репрессированных по Алтайскому краю в период с 1935 по 1937 гг. [13, 88–107] Отметим, что в этой статье мы рассматривали графу «род занятий» анкеты репрессированного в архивном деле как характеризующую его профессиональную деятельность. Данные именно этой графы отразились в БД «Мемориал», т. к. графа «профессия» не всегда отражала фактическое занятие репрессированного на момент ареста. Следовательно, именно использование сведений по роду занятий позволило создать более достоверную картину социального облика репрессированного в данном аспекте.

Вариативность занятий репрессированных, согласно данным БД «Мемориала», была достаточно широка, и основная проблема при составлении социального портрета по этому признаку состояла в использовании релевантной классификации профессий. Для решения этой задачи нами был использован список занятий рабочих и служащих СССР, представленный в результатах Всесоюзной переписи населения 1937 г. При проведении этой переписи профес-

сии были разделены по 39 категориям. На их основе нами была произведена классификация занятий всех 1 758 репрессированных по Алтайскому краю за период с 1 декабря 1934 г. по 1 июля 1937 г., выявленных по БД «Мемориала».

Проведенный анализ показал, что определенные занятия по трем социальным группам – занятые в с/х, рабочие и служащие – встречаются с повышенной частотой. Это подводит нас к вопросу о репрессивных механизмах: каким образом люди вовлекались в репрессивную орбиту? Как формировались «цепочки» арестов и происходило развитие дела?

Ответы на эти вопросы были не раз описаны в исторической литературе. Хотя они и затрагивают региональную тематику, в большей степени работы, посвященные данному аспекту, относятся к периоду массовых репрессий. А. Ватлин, рассматривая репрессии 1937–1938 гг. в Кунцевском районе Московской области, отмечает, что преимущественная часть дел по «антигосударственным преступлениям» была сфабрикована сельскими и городскими райотделами УНКВД Московской области. Они должны были регулярно поставлять наверх списки потенциальных «врагов народа», проводить аресты во вверенном им районе и вести следствие по делам, не вызывавшим интереса у областного и московского начальства. «От них требовали одного: “дать цифру”, обещая безнаказанность и повышение по службе в случае выполнения планов по арестам и признаниям» [1, 7–8]. Автор делает акцент на том, что до лета 1937 г. в практике органов госбезопасности индивидуально-политические критерии отбора «антисоветских элементов» преобладали над массово-социальными. Рассматривались в основном участники внутрипартийной оппозиции, дореволюционные политические деятели, а также номенклатурные работники в сфере экономики, на которых возлагалась ответственность за срыв плановых заданий. Обвинение «натягивалось», в ходе следствия соблюдались уголовно-процессуальные нормы (ознакомление с делом перед подачей в суд) [1, 26]. На региональном уровне процесс ведения дела демонстрирует в своей работе А. Тепляков. Он приводит высказывание начальника УНКВД ЗСК В. А. Каруцкого на допросе старейшего большевика Сибири В. Д. Вегмана: «Мы знаем, что вы не троцкист, но вы должны признаться в том, что вы двурушничали, обманывали партию, передавали для Троцкого деньги». Не добившись нужных показаний, работники

УНКВД связали Вегмана с бывшим начальником Московского военного округа Н. И. Мураловым, сосланным в Сибирь в 1936 г. [24]. Данный пример является иллюстрацией того, что для получения «нужной» картины следователи готовы были идти на любую фальсификацию.

В Свердловской области, согласно работе В. Шабалина, от местных руководителей НКВД требовалось не только обнаружить и репрессировать врагов, но и выявить разветвленную повстанческую организацию, в то время как практиковались аресты одиночек без попыток расширить круг подозреваемых. Для формирования локальной группы сотрудники НКВД старались выявить связи арестованного или намеченного к аресту с другими потенциальными участниками «организации» посредством профессиональных, родственных связей или принадлежности к религиозному коллективу [25, 113]. А. Суслов свидетельствует, что чаще всего обвиняемых допрашивали по одному разу. Иногда допрос проводился уже после составления обвинительного заключения, и следователю удавалось добиться от подсудимого признания вины [22, 145].

Ценным источником для рассмотрения репрессивного механизма является повторный пересмотр дела, проводимый во второй половине 1950–1960-х гг. в УКГБ при Совете Министров СССР, – к сожалению, далеко не всегда существовала возможность повторно допросить обвиняемого. В сборнике, посвященном массовым репрессиям в Алтайском крае в 1937–1938 гг., приводится пример такого допроса, на котором осужденный М. свидетельствовал, что в 1938 г. его, рабочего-сплавщика, и председателя колхоза «Красная Иня» арестовали и обязали явиться в Павловское РО НКВД, где через 10 дней на допросе ему объявили, что он обвиняется в участии в контрреволюционной организации, в которую был завербован неким Д., которого, по его словам, он никогда ранее не видел. М. заставляли подписывать обличительные показания на себя, а при несогласии применяли различные методы физического воздействия. В апреле 1938 г., когда М. был отправлен в лагерь, ему было объявлено, что он осужден на 10 лет за контрреволюционную деятельность. При этом в документах было указано, что в прошлом М. – кулак и псаломщик [11, 131–133].

Насколько данные тенденции были характерны для периода, предшествовавшего Большому террору? Ответ на этот вопрос будет найден в ходе текущей работы. Целью является рас-

смотрение репрессивной динамики по трем крупнейшим социальным группам на заданном временном интервале. Для этого мы также обращаемся к анализу на микроуровне, проведенному на основе архивных материалов (ОСД УАДАК, Ф. Р-2).

* * *

Как уже отмечалось выше, проведенный анализ показал большую частоту встречаемости определенных профессий. Из архивных дел следует, что многие дела рассматриваемого периода являлись групповыми. Следовательно, мы можем выдвинуть предположение, что существовали следующие репрессивные механизмы: «снизу вверх», когда за арестом рядовых рабочих следовали аресты служащих среднего управленческого звена, и «сверху вниз», когда действовала противоположная описанной схема.

Для раскрытия данного тезиса нами были составлены погодные динамики по трем основным группам занятий – рабочие, рабочие с/х и служащие.

Как видно из *рисунка 1*, в 1935 г. репрессии в среде рабочих и служащих происходили более или менее равномерно, однако в среде занятых в с/х можно выделить три пиковых месяца – январь, апрель и самый значительный по масштабам – август. Рассмотрим их подробнее.

В январе из 28 арестованных, занятых в с/х, на 21 человека (75%) впоследствии дело было прекращено за недоказанностью обвинения. 7 человек были осуждены к различным срокам наказания. Среди них выделяется дело против работников колхоза «Заря свободы». 11 января 1935 г. был арестован рядовой колхозник Л. Павлюченко. За ним последовал арест завхоза больницы В. Марченко (14 января). 23 января арестовали ветеринарного санитаря Г. Старостенко [4, 23, 63, 81, 91, 93, 95]. Здесь нужно сделать небольшое отступление и отметить, что, по данным базы «Мемориала», Старостенко был арестован 11 января. Однако, по нашему мнению, здесь присутствует определенная неточность, т. к. данное дело раскручивалось «снизу вверх»: Павлюченко (занятый в с/х) дал показания, которые привели к аресту вышестоящих служащих. Следовательно, служащий Старостенко не мог быть без какого-либо обвинения арестован в один день с Павлюченко. Такая ошибка могла произойти потому, что данное дело было укомплектовано в порядке, не соответствующем порядку формирования следственного дела: анкеты репрессированных

являются в нем последними листами, а не первыми, т. к. они должны находиться после постановления об аресте. Вероятно, эта неточность могла возникнуть на этапе переноса информации из архивного дела в бумажную «книгу памяти». Однако и в делопроизводстве присутствуют подозрительные неточности: арест Павлюченко обозначен 11 января (по данным анкеты), однако допрос датирован 9 января [4, 23, 91].

Далее – 22 и 23 января – соответственно были арестованы бригадир-полевод колхоза М. Недодел и бригадир Т. Кулаков. 22 января (или 21 января, по данным БД «Мемориала») был арестован П. Лисицкий, единственный рабочий, кроме того, не являющийся по профессии хлеборобом [4, 81, 93–94, 96, 113, 116]. Все обвиняемые были приговорены 24 апреля 1935 г. по ст. 58-10 [21]. Павлюченко получил срок 10 лет «концлагеря» (так в источнике. – Е. М.), Марченко, Недодел и Кулаков – 5 лет, Старостенко и Лисицкий были оправданы. Однако «подельники» написали жалобу на пересмотр приговора Старостенко, и 14 декабря 1935 г. он получил 3 года «концлагеря». Все обвиняемые были реабилитированы в 1992 г. за отсутствием состава преступления [4, 118, 126, 135, 139–143].

Микроанализ не может со стопроцентной достоверностью объяснить макропроцессы, однако является эффективным методом иллюстрации его характерных черт. Данный пример продемонстрировал механизм репрессии «снизу вверх». Примечательно, что именно занятый в с/х получил самый большой срок, а дело рабочего было прекращено за недоказанностью обвинения. Однако необходимо рассмотреть и другие пиковые моменты репрессий 1935 г.

Следующий пик приходится на апрель. Из 28 занятых в с/х 17 репрессированных были единоличниками, 4 из них обвинялись по ст. 58-10, 1 – по ст. 58-11, 5 – по ст. 58-14 и 7 – по ст. 58-10-14. Таким образом, 12 из 17 человек считались контрреволюционными саботажниками. Однако необходимо отметить, что в соответствии с директивой прокурора СССР от 23 января 1935 г. преступление квалифицировалось по ст. 58-10, если его совершал один человек, а не группа [17, 35–37]. Однако, по данным БД «Мемориала», 6 уроженцев-единоличников с. Никольское Алтайского района были арестованы 25 апреля, т. е. проходили, видимо, по одному делу. Также 4 жителя с. Плешково Бийского района тоже были арестованы в один день – 4 апреля. Таким образом, очевидно, что следователи не уделяли

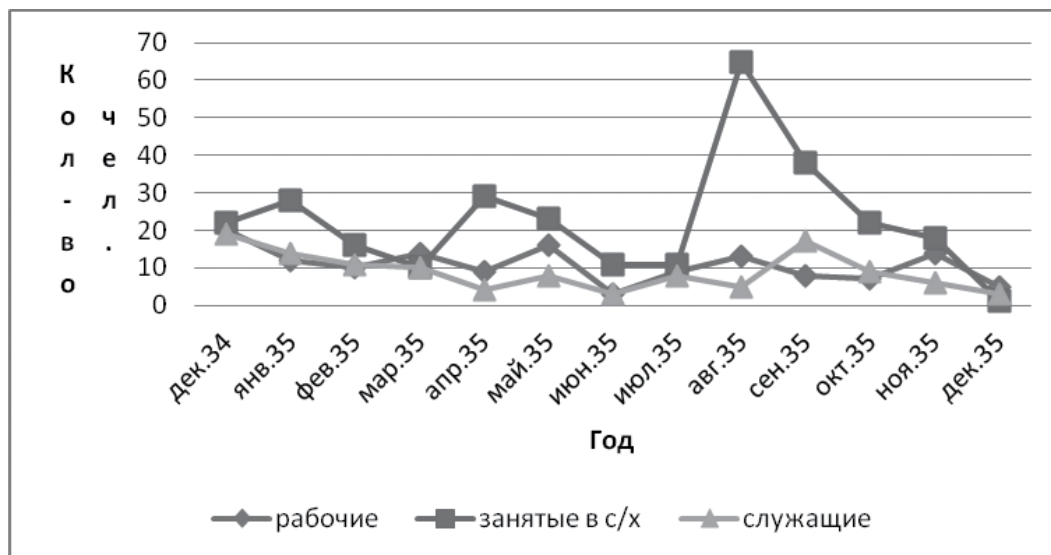

Рисунок 1. Динамика репрессий среди трех основных социальных групп, декабрь 1934 – декабрь 1935 гг. [23]

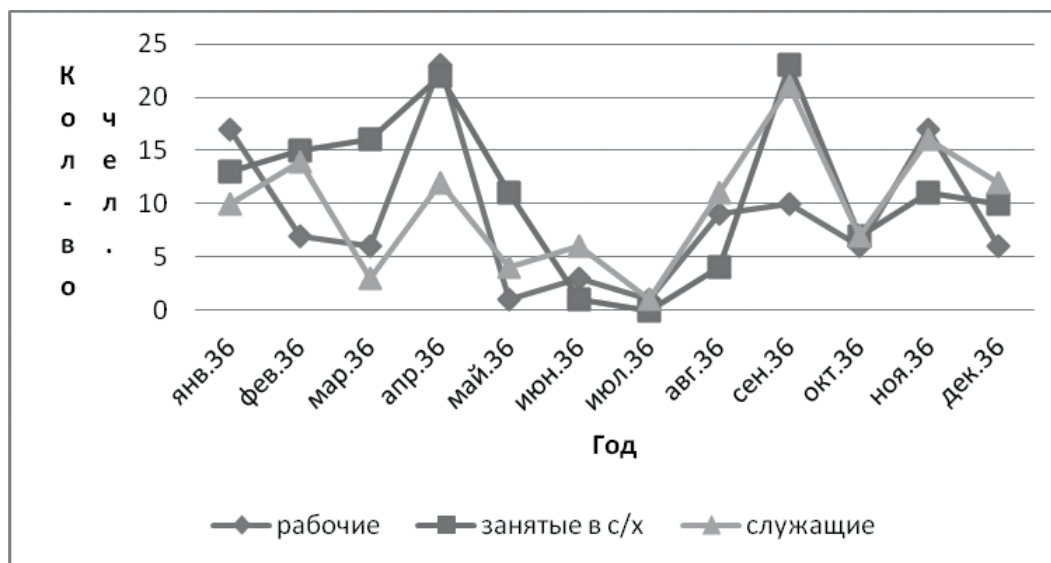

Рисунок 2. Динамика репрессий среди трех основных социальных групп, январь 1936 – декабрь 1936 г. [23]

особого внимания квалификации преступлений в соответствии с «нужными» статьями.

По данным БД, основной род занятий среди репрессированных в апреле – ведение единоличного хозяйства. В августе картина в некоторой степени меняется. Из 65 репрессированных по всем категориям 37 являлись членами колхозов, 29 из них получили сроки от 2 до 10 лет по ст. 58-10. По большому количеству дел среди колхозников в августе проходило более чем по одному человеку. Следовательно, снова наблюдается подмена статьи следователями.

В связи с этим интересно дело членов колхоза «Красная Дуброва» М. Алексеенко и С. Алексеенко. М. Алексеенко, по происхождению из зажиточных крестьян, мошенническим путем достал подпольные документы и бежал в Томский округ к своему племяннику. На допросе он говорил, что бежал с Украины из-за страшного голода в колхозе, что «ели даже людей». Следовательно же называет такие сведения «нахальным бредом» [5, 48–48об., 51–52]. Примечательно то, что изначально дядя и племянник обвинялись по ст. 58-14, однако в ходе допросов

19 августа М. Алексеенко неожиданно признался в контрреволюционной агитации [5, 58], т. е. к статье добавился пункт 10. 21 октября 1935 г. С. Алексеенко был приговорен к 5 годам «концлагеря», а М. Алексеенко – к 10. Они были реабилитированы в 1995 г. вместе с семьями за отсутствием состава преступления [5, 93, 108–109].

На основе сказанного выше можно сделать следующий вывод. В 1935 г. выделяются две кампании локального масштаба, направленные против людей, занятых в с/х, – против единоличников в апреле и членов колхозов в августе. Вероятно, данные репрессии были связаны с определенными местными условиями, анализ которых нам предстоит провести в ходе дальнейшей работы. Далее мы обратимся к динамике репрессий по основным социальным группам в 1936 г.

В соответствии с *рисунком 2* в 1936 г., как и в предыдущем году, наблюдаются три пиковых месяца – апрель, сентябрь и ноябрь. Кроме того, выделяется значительный спад летом, особенно в июле. В апреле 1936 г. основными группами репрессированных являлись рабочие и занятые в с/х – в сумме 45 человек. Из общего количества репрессированных в этом месяце дела на 27 человек были прекращены за недоказанностью обвинения, среди них 21 человек – представители рабочих и сельскохозяйственных занятий (41% от общего количества апреля по двум группам). 3 человека были приговорены к высшей мере наказания, и один из них – рабочий железнодорожного депо. Нужно отметить, что с 1 декабря 1934 г. к расстрелу был приговорен только один человек – Б. Варкентин, единоличник, арестованный 12 мая 1935 г., – однако мера наказания была заменена на 10 лет строгой изоляции. Также по архивным данным видно, что в отличие от периода Большого террора, когда приговор зачастую приводился в исполнение в день вынесения, в рассматриваемый период у человека было больше шансов оспорить решение суда – приговор Варкентину был вынесен 19 октября, 21 ноября определение по жалобе сообщает, что приговор оставлен в силе. Однако 26 февраля 1936 г. согласно протоколу о применении частной амнистии судебная мера была изменена [2, 4, 202, 205, 207]. Возвращаясь к теме осужденных к ВМН (высшей мере наказания) в апреле 1936 г., нужно добавить, что все они являлись работниками Томской железной дороги, о которой подробнее будет сказано ниже.

Интересным моментом в рассмотрении апрельской динамики также является то, что

пять человек – двое занятых в с/х и трое рабочих – были осуждены по ст. 58-2 [20]. Остается неясным, почему этих людей осудили именно по данной статье, ведь даже национальная принадлежность – все пятеро репрессированных были русскими – не дает повода к подобному обвинению.

Лето 1936 г., и в особенности июль, демонстрирует спад репрессивной политики – в этом месяце в Алтайском крае были арестованы всего три человека (военный, служащий и рабочий). Такая ситуация может быть объяснена двумя причинами: первая заключается в том, что летом 1936 г. происходила пересылка ранее заключенных и ссыльных в лагеря Дальстроя, потому все усилия УНКВД были направлены в основном на это. Второй причиной является перестановка в рядах УНКВД, которая была инициирована для указанного выше дела Вегмана и Муралова, – для его развития в нужном направлении в связи с близящимся в Москве процессом над Каменевым и Зиновьевым [16, 166, 169].

В данном контексте представляет интерес ситуация сентября 1936 г. Здесь основными группами репрессированных стали служащие и занятые в с/х – всего 44 человека по двум этим группам. На 13 из них (29,5% от общего по двум группам) дело было прекращено, 6 из них – служащие. Однако уменьшение количества дел, обвинения по которым не были доказаны, свидетельствует о постепенном ужесточении репрессивной политики. С августа во многих крупных городах Сибири – Красноярске, Новосибирске, Кемерове – начались аресты руководителей среднего управленческого звена [16, 172], и пик этого процесса был достигнут к июню 1937 г., о чем подробнее будет сказано ниже. В среде служащих репрессии происходили в рамках всесоюзной кампании по борьбе с вредительством в стахановском движении, начатой еще в конце 1935 г. и продолжившейся среди руководителей предприятий и учреждений, а также рядовых советских служащих [26, 69–72, 94]. Репрессии против служащих и занятых в с/х не были связаны друг с другом – в колхозах продолжали проходить характерные кампании, начатые еще в 1935 г.

К ВМН в сентябре 1936 г. в Алтайском крае были приговорены уже 7 человек. Четверо из них были заняты в с/х и обвинялись по ст. 58-10-11 с прибавлением иных пунктов этой статьи. Трое служащих – Г. Сладковский, В. Савицкий и А. Плотников – проходили по делу о строительстве нефтебазы. Сладковский являлся начальником

строительства. По данным анкеты, он был арестован р/о НКВД по ЗСК 17 сентября, однако допросы его с личной подписью датированы 12, 14, 15 и 16 сентября [7, 11об., 24, 30, 32–33]. Его «подельники» – Савицкий, прораб строительства, и Плотников, старший бухгалтер, – были арестованы 6 сентября [7, 16, 20]. На первом допросе, который длился 4 часа, Сладковский не признавал себя виновным, однако в этот же день после заключения в камеру он «вдруг» решил сознаться и сдать своих «подельников» [7, 24, 27]. Т. к. БД «Мемориала» свидетельствует, что Сладковский был арестован 8 сентября, мы можем сделать вывод, что данное дело раскручивалось «снизу вверх» – целью был именно начальник строительства, – а также засвидетельствовать фальсификацию: очевидно, дата на 9 дней позже ареста была проставлена специально, чтобы показать линию ведения следствия, а показания о связи начальника с «подельниками» явно были получены путем применения к арестованному физической силы. Через два месяца – 20 ноября – Сладковский перестал признавать свою вину, доказывая, что строительство нефтебазы шло в соответствии с планом и чертежами. Савицкий с начала допросов признавал свою вину в хищениях, а Плотников признавал ее частично, ссылаясь на то, что он поддавался дурному влиянию [7, 54, 60, 69–70]. Таким образом, мы видим, что с самого начала дело разворачивалось по двум направлениям – это обвинения в хищении и во вредительстве.

Как свидетельствуют протоколы допросов, в сентябре 1937 г. Савицкий признавал себя виновным только в хищениях, но не во вредительской деятельности. Сладковский отрицал оба обвинения [7, 389–391]. В этот же день, 17 сентября, начальник Локтевского р/о НКВД показывал, что Сладковский отказывается идти на допросы, мотивируя это голодовкой и желанием выходить из камеры только днем: «Стреляйте меня, бейте, но я из камеры никуда не пойду, я объявил голодовку и буду выходить из камеры на допрос только в присутствии прокурора» [7, 399]. Это еще раз свидетельствует о применении силы к заключенным, что уже не было редкостью во время Большого террора. 21 января 1938 г. все трое обвиняемых были привлечены по ст. 58-6-7 [7, 415–417], т. е. к обвинению во вредительстве на производстве добавился следующий пункт: «Шпионаж, т. е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально

охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным государствам или частным лицам» [14]. 29 января Сладковский, отрицавший обвинения в начале допроса, в ходе его «внезапно» признался, что он является польским шпионом. Такие же показания на допросах дали Савицкий и Плотников [7, 418–419, 429, 436].

Обвинения Сладковскому были предъявлены по ст. 58-2-6-9-11, Савицкому – по ст. 58-2-6-7-11, а Плотникову – по ст. 58-2-6-7-10-11 [7, 447–448]. Необходимо отметить, что только у последнего обвиняемого присутствует п. 10, т. к. некоторые его действия были признаны индивидуальными инициативами. Заметно, что следователи стали уделять больше внимания квалификации «преступления». В деле отсутствуют сведения о постановлении суда и приговоре, однако есть выписки о приведении в исполнение приговора – ВМН – от 8 сентября 1938 г., Савицкий получил 10 лет ИТЛ. В 1959 г. дело в отношении шпионской деятельности репрессированных было отменено, однако обвинения по закону от 7 августа 1932 г., приравнивавшему имущество колхозов и кооперативов к государственному имуществу и вводившему расстрел с конфискацией имущества в качестве меры наказания за его хищение [18], остались в силе до повторного пересмотра [7, 449–551, 500].

Ноябрь является третьим пиковым месяцем 1936 г., основные группы репрессированных – рабочие и служащие (в сумме 33 человека). В данном месяце не обнаруживается явной связи в репрессиях внутри этих двух групп – можно утверждать лишь то, что они шли в рамках описанной ранее всесоюзной кампании по борьбе с вредительством на предприятиях. Наблюдаются рост приговоров к ВМН – 14 из 53 репрессированных по всем трем группам (26%) – и снижение количества прекращенных дел: всего 3 человека были отпущены на свободу за недоказанностью обвинения (6%). Интересная деталь: 25 репрессированных из 53 в ноябре (47%) являлись немцами по национальности и 21 человек (40%) – русскими. Из служащих-немцев 2 человека были приговорены к ВМН (председатель колхоза и зоотехник) и 3 – к 10 годам (счетовод, учетчик колхоза и директор школы). Репрессии против немецкого населения всегда были присущи алтайским территориям, ведь там находился многочисленный Немецкий район, однако очевидно, что до периода Большого террора такие репрессии по национальному признаку

происходили волнами. Среди русских служащих к ВМН был приговорен один человек (председатель райпотребсоюза).

Таким образом, очевидно, что в 1936 г. репрессии постепенно набирали обороты, это выразилось в увеличении приговоров к расстрелу и уменьшению количества прекращенных дел. Однако еще более печально выглядит ситуация 1937 г., до развертывания политики Большого террора.

Из *рисунка 3* видно, что первая половина 1937 г. была своеобразной «репетицией» Большого террора, на что явно указывает возрастающее количество репрессированных всех трех групп. Тенденция к репрессиям в среде служащих также сохраняется и с февраля выделяется уже гораздо острее, чем среди рабочих промышленности и занятых в с/х. Два пика являются самыми значительными – апрель и июнь. В апреле из 241 репрессированного дела на 15 из них (6%) были прекращены. Однако в июне из 198 репрессированных на свободе оказались только 7 (3,5%). В апреле 10 из 15 человек составляли служащие (двое – директор маслозавода и заведующий базой льнозавода – умерли в тюрьме), в июне прекращенные дела относятся к занятым в с/х (4 человека).

К ВМН в апреле были приговорены 136 человек, из них 47 служащих (34,5%), 35 рабочих (26%) и 30 занятых в с/х (22%). В связи с этим интересно дело И. Красношлыкова и А. Красношлыкова, членов промартели, арестованных 17 апреля. Вместе с ними был взят и П. Владимов, бухгалтер этой промартели. Они обвинялись в троцкистской деятельности по ст. 58-10 и признали обвинения. Однако только Владимов был приговорен к ВМН и расстрелян 3 августа 1937 г. [6, 5, 8, 11, 176]. В июне 1937 г. расстрел в качестве приговора был вынесен 125 репрессированным, из них 58 служащих (46%), 34 рабочих (27%) и 22 занятых в с/х (18%).

Рассмотрев подробно динамику репрессий по социальному составу репрессированных, мы считаем необходимым привести несколько характерных примеров, отражающих описанную выше тенденцию: что за арестом нижестоящих служащих шел арест их начальников, т. е. раскручивание дела «снизу вверх». Интересным примером в данном случае являются репрессии, проходившие на Томской железной дороге, начавшиеся активно с января 1936 г., после визита в Сибирь Л. М. Кагановича, выявившего значительные неполадки в работе этой транспортной

сети [16, 190]. Еще в апреле 1935 г. на Алтае был арестован начальник разъезда. В августе 1936 г. репрессии подвергся заведующий парткабинетом политотдела, за ним в сентябре – инструктор политотдела (не совсем типичный пример механизма репрессии по типу «сверху вниз»). В апреле 1937 г. арестовали дежурных по станциям Аул и Ремовская, а также старшего электромеханика. (Единственный рабочий, точно относящийся к данному делу, однако их могло быть и больше – в БД «Мемориала» рабочие могли быть обозначены просто буквами «ж. д.» без обозначения дороги, на которой они работали, – Томской или Омской. Привлечение всех железнодорожных рабочих без распределения их по подразделениям работы может породить ошибки в анализе.) В июне 1937 г. последовательно были арестованы дорожный мастер Алейской дистанции пути (5 июня), заместитель начальника отдела эксплуатации (12 июня) и начальник Алейской дистанции пути (26 июня). Таким образом, был полностью воплощен механизм репрессии от рядовых служащих до начальника.

Подобная картина наблюдается в деле рабочих и служащих станции Бийск. В июне 1936 г. арестован нормировщик депо, в феврале 1937 г. – старший осмотрщик вагонов (рабочий), в марте – осмотрщик и смазчик вагонов (рабочие, механизм «сверху вниз»). В мае арестовали механика телеграфа (рабочий), в июне – начальника вагонного участка (служащий). На данном примере видна связь репрессий против служащих и рабочих в пределах одного подразделения. Репрессии на станции Рубцовск носили схожий характер: 1 февраля 1937 г. были арестованы бригадир и начальник вагонного депо. Это повлекло за собой арест 22 февраля машиниста депо и 23 февраля – заместителя начальника депо (механизм «сверху вниз»). Однако цепь апрельских арестов автогенщика (рабочий) и старшего диспетчера (служащий) привела к аресту в июне начальника паровозного депо, т. е. снова воплотился в жизнь механизм репрессии «снизу вверх» [12]. Таким образом, данное дело является примером синтеза двух репрессивных механизмов.

Интересным примером являются репрессии на станции Барнаул. Это дело тесно переплетается с делом на станции Тайга Томской железной дороги. 9 октября 1936 г. был арестован начальник паровозного отделения станции Барнаул П. Захаров. Ему было предъявлено обвинение по ст. 58-10-11 за троцкистскую деятельность. На

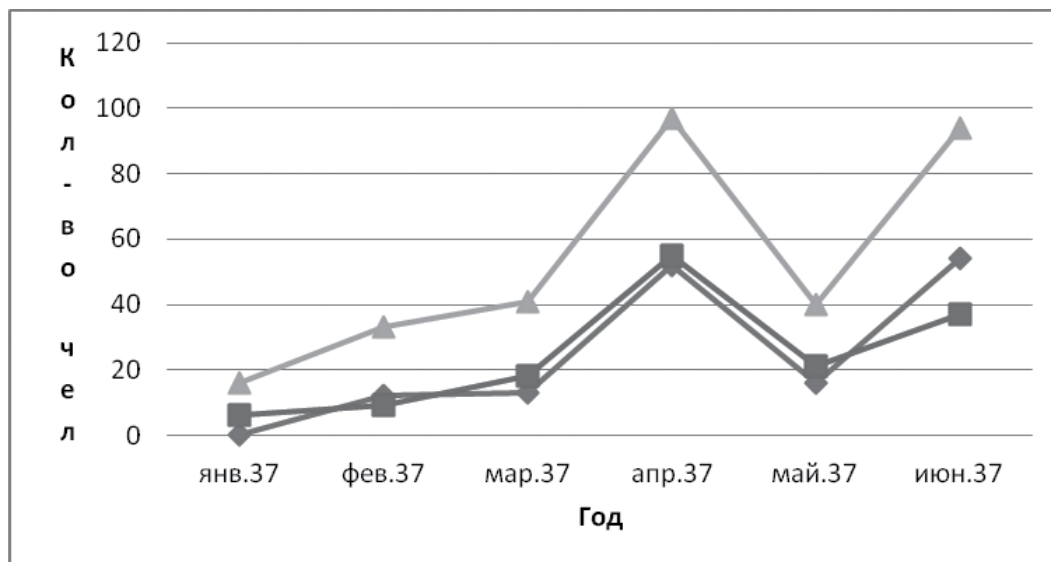

Рисунок 3. Динамика репрессий среди трех основных социальных групп, январь 1937 – июнь 1937 г. [23]

допросе 23 октября он отрицал все обвинения в троцкизме и двурушничестве, однако 10 ноября уже сознался во всех предъявленных обвинениях и даже признал, что намерен был дать указания о проведении террористических актов на железной дороге. Дав показания против неких Игнатенко и Житкова, работающих на станции Тайга, 29 декабря Захаров полностью признал себя виновным в том, что создал троцкистскую группировку на Томской железной дороге. Захарову было предъявлено новое обвинение по ст. 58-7-10-11 [3, 13, 18, 37–39, 46, 53, 62–64, 66–68, 72–79, 82–84].

Еще раньше, в сентябре 1936 г., были арестованы А. Ясюкевич, мастер вспомогательных цехов станции Рубцовск, и В. Степанов, помощник начальника паровозного отделения станции Тайга, которые также признались в том, что состояли в троцкистской контрреволюционной группировке. Степанов дал показания против Головина и Болотова, старшего диспетчера паровозного отделения станции Тайга. Оба не признавали себя виновными на первых допросах, однако на основании показаний Степанова соглашались с обвинениями. При этом протоколы допроса составлены абсолютно идентично и отличаются только фамилиями обвиняемых [3, 92–99, 101, 113–120, 134].

Болотов показал на Д. Сафронова, мастера ремонтного цеха Тайгинского депо, который также сознался в том, что он состоял в организации. Протоколы допросов ничем не отличаются

от предыдущих – всех обвиняемых допрашивал один и тот же следователь [3, 140–143, 153–159], который, вероятно, применял к ним методы физического воздействия.

Захарову снова было предъявлено обвинение по ст. 58-8-9-11, хотя протокола о смене статьи в деле не обнаружено. 14 апреля 1937 г. он был приговорен к расстрелу с конфискацией личного имущества, приговор был приведен в исполнение в тот же день [3, 302–305, 309, 310]. Таким образом, данное дело представляет собой пример воплощения обоих репрессивных механизмов, однако целью его, несомненно, было устранение «главаря организации».

Приведем еще два примера. Один относится к репрессиям в среде сельскохозяйственных рабочих. В марте 1937 г. было инициировано дело в Немецком районе ЗСК, в колхозе имени Макса Гельца. В один день – 23 марта – были арестованы бригадир колхоза (рабочий), заведующий молочно-товарной фермой (служащий), кладовщик (служащий) и председатель колхоза (служащий). Очевидно, что данное дело было направлено против последнего, но логично предположить, что показания против него дали именно рабочие и служащие.

Последний пример – репрессии на Алтметаллзаводе (г. Барнаул). В январе 1936 г. был арестован инженер (служащий), в августе – начальник планового отдела (служащий). В сентябре 1936 г. арестовали двух бухгалтеров (служащие) и заместителя директора (служащий), причем

арест одного бухгалтера 2 сентября потянул за собой арест второго 3 сентября. В марте 1937 г. дело было завершено арестом главного механика 7 марта и технического директора 20 марта [12]. Приведенные сведения являются еще одной иллюстрацией осуществления механизма «снизу вверх» среди служащих.

* * *

Подводя итог, необходимо отметить следующее.

Анализ, проведенный на материалах алтайских «книг памяти», показал, что двумя группами населения, подвергшимися репрессиям в наибольшей степени в 1934–1937 гг., являлись занятые в с/х и служащие, причем в первом случае террор происходил в основном на низшем уровне, среди рядовых членов колхоза, а во втором – на более высоком уровне соответствующей социальной группы, что является особенностью репрессивных кампаний рассматриваемого периода. Этот вывод подтверждается и рассмотрением количества репрессированных по конкретным занятиям населения.

Ежегодная динамика репрессий по социальным группам показала значительные колебания по месяцам. Основной группой репрессированных в 1935 г. являлись люди, занятые в с/х, с 1936 г. до конца рассматриваемого периода усиливается тенденция к репрессиям в среде слу-

жащих. При этом постоянно растет число приговоров к ВМН, что свидетельствует об ужесточении репрессивной политики. Микроанализ, проведенный на основе архивных дел и подробного рассмотрения БД «Мемориала», позволил наглядно проиллюстрировать две тенденции: реже встречаемый, в основном в среде служащих, механизм репрессии «сверху вниз» и более характерный – «снизу вверх». Итак, очевидно, что механизмы репрессий в период Большого террора не изменились, однако можно предположить, что постепенно сходил на нет смешанный тип, в котором задействованы оба упомянутых механизма: ведь на ведение следствия и вынесение приговора в период массовых репрессий тратилось гораздо меньше времени, чем в предыдущий.

Некоторые примеры частично подтверждают гипотезу о связи репрессий по трем социальным группам между собой, однако их недостаточно для составления общих выводов. Гораздо чаще видно, что репрессии шли в рамках кампаний внутри одной группы, но отдельно от других. Однако на основе приведенных механизмов можно говорить о том, что при проведении дела на одном конкретном предприятии, направленного на арест начальника или управляющего, под репрессивный механизм попадало большинство его помощников или нижестоящих сотрудников.

Библиография:

1. Ватлин А. Ю. Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 256 с.
2. Дело по обвинению Варкентина // Отдел спецдокументации управления архивного дела Алтайского края. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 24181.
3. Дело по обвинению Захарова // Отдел спецдокументации управления архивного дела Алтайского края. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 9796.
4. Дело по обвинению Кулакова, Лисицкого, Марченко, Недодела, Павлюченко, Старостенко // Отдел спецдокументации управления архивного дела Алтайского края. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 20460.
5. Дело по обвинению М. Алексеенко, С. Алексеенко // Отдел спецдокументации управления архивного дела Алтайского края. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 23821.
6. Дело по обвинению П. Владимова, И. Красношлыкова, А. Красношлыкова // Отдел спецдокументации управления архивного дела Алтайского края. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 7034.
7. Дело по обвинению Плотникова, Савицкого, Сладковского // Отдел спецдокументации управления архивного дела Алтайского края. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 7034.
8. Жертвы политического террора в Алтайском крае. Т. 2. Барнаул, 1999. 556 с.; Т. 3. 1937 г. Ч. 1. Барнаул, 2000. 584 с.; Т. 3, 1937 г. Ч. 2. Барнаул, 2000. 440 с.; Т. 7. 1920–1965. Барнаул, 2005. 363 с.
9. Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007.
10. Лягушкина Л. А. К оценке информационного потенциала «книг памяти» в сравнении со следственными делами жертв «Большого террора» // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 2. С. 157–166.
11. Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447. М.: РОССПЭН, 2010. 752 с.
12. Материал подготовлен по данным БД «Мемориала» (Жертвы политического террора в СССР) [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007.
13. Мишина Е. М. Профессиональный состав репрессированных в 1935–1937 гг.: анализ базы данных на основе «книг памяти» Алтайского края // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 41. Барнаул, 2013. С. 88–107.

14. Особенная часть УК РСФСР 1926 г. // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/KP/1/05.htm> (дата обращения: 21.12.2013)
15. Отдел спецдокументации управления архивного дела Алтайского края. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 7034, 9796, 20460, 23821, 24181.
16. Папков С. А. Обыкновенный террор: политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2010. 440 с.
17. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика, 1993. 222 с.
18. СЗ СССР 1932 г. № 62. Ст. 360.
19. Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М.: РОССПЭН; Германский исторический институт в Москве, 2009. 927 с.
20. Статья 58-2 УК РСФСР: «Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на месте в тех же целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры». См.: Особенная часть УК РСФСР 1926 г. // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/KP/1/05.htm> (дата обращения: 21.12.2013)
21. Статья 58-10 УК РСФСР: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания». См.: Особенная часть УК РСФСР 1926 г. // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/KP/1/05.htm> (дата обращения: 27.12.2013)
22. Суслов А. Б. Трудпоселенцы – жертвы «кулацкой операции» НКВД в Пермском районе Свердловской области // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М.: РОССПЭН; Германский исторический институт в Москве, 2009. С. 132–150.
23. Таблица составлена по данным БД «Мемориала» (Жертвы политического террора в СССР). [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007.
24. Тепляков А. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936–1946 гг. // [Электронный ресурс] – URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=45710> (дата обращения: 27.12.13)
25. Шабалин В. В. Сельское население Прикамья как жертва массовой операции по приказу № 00447 // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М.: РОССПЭН; Германский исторический институт в Москве, 2009. С. 104–116.
26. Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М.: РОССПЭН; Фонд первого президента России Б. Н. Ельцина, 2010. 432 с.
27. Ellman M. Regional Influences on the Formulation and Implementation of NKVD Order 00447 // Europe Asia Studies. Vol. 62. No. 6. August 2010. P. 915–929.

References (transliterated):

1. Vatlin A. Yu. Terror raionnogo masshtaba: «Massovye operatsii» NKVD v Kuntsevskom raione Moskovskoi oblasti 1937–1938 gg. М.: ROSSPEN, 2004. 256 s.
2. Delo po obvineniyu Varkentina // Otdel spetsdokumentatsii upravleniya arkhivnogo dela Altaiskogo kraya. F. R-2. Op. 7. D. 24181.
3. Delo po obvineniyu Zakharova // Otdel spetsdokumentatsii upravleniya arkhivnogo dela Altaiskogo kraya. F. R-2. Op. 7. D. 9796.
4. Delo po obvineniyu Kulakova, Lisitskogo, Marchenko, Nedodela, Pavlyuchenko, Starostenko // Otdel spetsdokumentatsii upravleniya arkhivnogo dela Altaiskogo kraya. F. R-2. Op. 7. D. 20460.
5. Delo po obvineniyu M. Alekseenko, S. Alekseenko // Otdel spetsdokumentatsii upravleniya arkhivnogo dela Altaiskogo kraya. F. R-2. Op. 7. D. 23821.
6. Delo po obvineniyu P. Vladimova, I. Krasnoshlykova, A. Krasnoshlykova // Otdel spetsdokumentatsii upravleniya arkhivnogo dela Altaiskogo kraya. F. R-2. Op. 7. D. 7034.
7. Delo po obvineniyu Plotnikova, Savitskogo, Sladkovskogo // Otdel spetsdokumentatsii upravleniya arkhivnogo dela Altaiskogo kraya. F. R-2. Op. 7. D. 7034.
8. Zhertvy politicheskogo terrora v Altaiskom krae. T. 2. Barnaul, 1999. 556 s.; T. 3. 1937 g. Ch. 1. Barnaul, 2000. 584 s.; T. 3, 1937 g. Ch. 2. Barnaul, 2000. 440 s.; T. 7. 1920–1965. Barnaul, 2005. 363 s.
9. Zhertvy politicheskogo terrora v SSSR [Elektronnyi resurs]. 4-e izd. М., 2007.
10. Lyagushkina L. A. K otsenke informatsionnogo potentsiala «knig pamyati» v sravnenii so sledstvennymi delami zhertv «Bol'shogo terrora» // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2014. № 2. С. 157–166.
11. Massovye repressii v Altaiskom krae 1937–1938 gg. Prikaz № 00447. М.: ROSSPEN, 2010. 752 s.
12. Material podgotovlen po dannym BD «Memoriala» (Zhertvy politicheskogo terrora v SSSR) [Elektronnyi resurs]. 4-e izd. М., 2007.
13. Mishina E. M. Professional'nyi sostav repressirovannykh v 1935–1937 gg.: analiz bazy dannykh na osnove «knig pamyati» Altaiskogo kraya // Informatsionnyi byulleten' Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter». № 41. Barnaul, 2013. S. 88–107.
14. Osobennaya chast' UK RSFSR 1926 g. // [Elektronnyi resurs] – URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/KP/1/05.htm> (data obrashcheniya: 21.12.2013)
15. Otdel spetsdokumentatsii upravleniya arkhivnogo dela Altaiskogo kraya. F. R-2. Op. 7. D. 7034, 9796, 20460, 23821, 24181.
16. Papkov S. A. Obyknovennyi terror: politika stalinizma v Sibiri. М.: ROSSPEN, 2010. 440 s.
17. Sbornik zakonodatel'nykh i normativnykh aktov o repressiyakh i reabilitatsii zhertv politicheskikh repressii. М.: Respublika, 1993. 222 s.

18. SZ SSSR 1932 g. № 62. St. 360.
19. Stalinizm v sovetskoj provintsii: 1937–1938 gg. Massovaya operatsiya na osnove prikaza № 00447. M.: ROSSPEN; Germanskii istoricheskii institut v Moskve, 2009. 927 s.
20. Stat'ya 58-2 UK RSFSR: «Vooruzhennoe vosstanie ili vtorzhenie v kontrrevolyutsionnykh tselyakh na sovetskuyu territoriyu vooruzhennykh band, zakhvat vlasti v tsentre ili na meste v tekh zhe tselyakh i, v chastnosti, s tsel'yu nasil'stvenno ottorgnut' ot Soyuza SSR i otdel'noi soyuznoi respubliki kakuyu-libo chast' ee territorii ili rastorgnut' zaklyuchennye Soyuzom SSR s inostrannymi gosudarstvami dogovory». Sm.: Osobennaya chast' UK RSFSR 1926 g. // [Elektronnyi resurs] – URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/KP/1/05.htm> (data obrashcheniya: 21.12.2013)
21. Stat'ya 58-10 UK RSFSR: «Propaganda ili agitatsiya, sodержashchie prizyv k sverzheniyu, podryvu ili oslableniyu Sovetskoj vlasti ili k soversheniyu otdel'nykh kontrrevolyutsionnykh prestuplenii, a ravno rasprostranenie ili izgotovlenie ili khranenie literatury togo zhe sodержaniya». Sm.: Osobennaya chast' UK RSFSR 1926 g. // [Elektronnyi resurs] – URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/KP/1/05.htm> (data obrashcheniya: 27.12.2013)
22. Suslov A. B. Trudposelentsy – zhertvy «kulatskoj operatsii» NKVD v Permskom raione Sverdlovskoi oblasti // Stalinizm v sovetskoj provintsii: 1937–1938 gg. Massovaya operatsiya na osnove prikaza № 00447. M.: ROSSPEN; Germanskii istoricheskii institut v Moskve, 2009. S. 132–150.
23. Tablitsa sostavlena po dannym BD «Memoriala» (Zhertvy politicheskogo terrora v SSSR). [Elektronnyi resurs]. 4-e izd. M., 2007.
24. Teplyakov A. Personal i povsednevnost' Novosibirskogo UNKVD v 1936–1946 gg. // [Elektronnyi resurs] – URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=45710> (data obrashcheniya: 27.12.13)
25. Shabalin V. V. Sel'skoe naselenie Prikam'ya kak zhertva massovoi operatsii po prikazu № 00447 // Stalinizm v sovetskoj provintsii: 1937–1938 gg. Massovaya operatsiya na osnove prikaza № 00447. M.: ROSSPEN; Germanskii istoricheskii institut v Moskve, 2009. S. 104–116.
26. Khaustov V., Samuel'son L. Stalin, NKVD i repressii 1936–1938 gg. M.: ROSSPEN; Fond pervogo prezidenta Rossii B. N. El'tsina, 2010. 432 s.
27. Ellman M. Regional Influences on the Formulation and Implementation of NKVD Order 00447 // Europe Asia Studies. Vol. 62. No. 6. August 2010. P. 915–929.